

Е. А. БРОВКИН

(УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»)

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМ ДАЛМАТИНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

Представленная статья рассматривает методические проблемы изучения истории далматинского средневекового города студентами в ходе практических занятий по истории южных и западных славян.

Среди тем, предусмотренный для изучения студентами-историками на практических занятиях по истории южных и западных славян, особое место занимает тема «Далматинский средневековый город», рассчитанная на четыре часа аудиторной работы. Студенты должны усвоить специфику истории городов и городской жизни Далмации – славянской земли на Адриатическом побережье. Для этого потребуется привлечь карту, опубликованные источники, учебник и специальные исследования, а также остаточные знания по истории древнего мира и истории средних веков.

Практическое занятие начинается с изучения карты, где хорошо видна цепочка далматинских городов. Из лекции по истории Хорватии студенты уже знают, что в Далмации имел место ярко выраженный синтез славянских родоплеменных (варварских) отношений с позднеантичной полисной традицией. Поселенные здесь в VII в. на правах федератов для противостояния аварам славяне весьма быстро стали доминантным фактором истории региона.

Теперь берем в руки сочинение Константина Багрянородного «Об управлении империей» (хотя бы в виде отрывка из хрестоматии) [1, с. 110–111]. Изучение фрагмента вышеупомянутого источника об отношениях славян и позднеантичных городов Адриатического побережья показывает их военное противостояние. Некоторые города славяне захватили и разрушили, как, например, Эпидавр, жители которого переехали на соседний остров и основали новый город Раусий (Рагуза) – будущую жемчужину Далмации – Дубровник. Большинство же городов выстояло. После крушения Римской империи они ориентировались на Византию, которая практически не вмешивалась в их внутренние дела, однако санкционировала уплату

дани славянам, захватившим сельскую округу, сократив при этом значительно налоги, традиционно взимавшиеся византийским стратигом (наместником) в пользу императорского фиска. Это было необходимо, поскольку разрушение старых торговых связей и упадок ремесла вызвал к жизни такое явление, как аграризация старых римских городов – в том числе и далматинских (единственное исключение в европейской истории – великая столица Византийской империи Константинополь).

Возникает проблемный вопрос: каким же образом в течение нескольких столетий произошла славянизация далматинских городов? Здесь есть над чем подумать. Поначалу ведь славяне вообще не знали городской жизни (здесь уместно привести пример основания славянами деревни на одной из площадей Сплита).

Фронтальная беседа-обсуждение позволяет выделить и зафиксировать следующие основные факторы этого процесса:

1) христианизация славян, которая превратила откровенно чуждых и враждебных позднеантичным горожанам язычников-варваров в ментально близкий субстрат (особенно если учесть, что здешние славяне принимали христианство западного обряда из империи франков);

2) браки жителей городов и округи, чему содействовали и христианизация и полисная традиция, считавшая округу частью городской структуры;

3) переселение в город ремесленников и торговцев из округи (а появились они в ходе процесса отделения ремесла и торговли от сельского хозяйства);

4) принудительное переселение в город части жителей округи после эпидемий, поскольку для функционирования города как экономической, политико-административной и культурной единицы требовалось поддержание определенной численности городского населения (как отмечают М. М. Фрейденберг и А. В. Чернышов – порядка 1,5 – 2 тысяч человек) [2, с. 267].

Большой интерес аудитории вызывает вопрос методов этнической идентификации населения далматинских городов. Студентам предлагается кажущийся вполне логичным метод австрийского ученого позапрошлого века К. Иречека, который подверг анализу антропонимию документальных текстов из архивов далматинского региона [2, с. 255]. После этого кому-нибудь из присутствующих предлагается поименно опросить своих товарищей: имя, его значение, этническое происхождение. В аудитории обычно преобладают греческие, римские и ближневосточные имена, доминирующие в христианских святцах. Процент исконно славянских имен при этом

крайне невелик. Примененный экспериментально метод явно показывает свое несовершенство, вызывая веселое изумление аудитории. Логичнее применить для подобной классификации метод учета не только славянских корней, но и суффиксов, как предложила хорватский исследователь В. Якич-Цестарич : и тогда исследователи приходят к выводу, что процесс славянизации далматинских городов завершается в XI–XII вв. [2, с. 256].

Почему приходится обращаться к данным сравнительной филологии? Да потому, что городская документация велась на латыни. Если бы город был здесь исконно хорватским с момента зарождения, как предполагали некоторые хорватские ученые, например, И. Строхал [2, с. 255], то лингвистическая проблема отпала бы сама собой : мы видели бы хорватские древние тексты глаголического письма (вроде той надписи 9 века с острова Крк, где король жалует земли новопостроенной христианской церкви–каменная плита с этой надписью экспонируется в историческом музее г. Загреба).

Конечно, студенты могут привести в качестве примера анализа текста по суффиксам пресловутое школьное «фэйсом об тэйбл» или даже современный молодежный жаргон. В данном случае это вполне простительно, потому что будет свидетельствовать об усвоении материала на уровне привычного «узнавания» в контексте жизненного опыта.

Следующий аспект изучения – хозяйственная деятельность горожан. Материалы хрестоматии и специальной литературы позволяют выявить особую роль торговли, в т.ч. транзитной, морских перевозок и морских промыслов, включая солеварение, а также интенсивного земледелия – и в первую очередь виноградарства, которому неоднократно посвящаются статьи городских статуты [1, с. 94–96].

Ремесло здесь явно отходит на второй план. Теперь понятно, почему в ряде городов региона попросту не сложилась цеховая организация, но доминировали корпорации. И это вовсе не славянская специфика : подобную ситуацию мы видим, например, в южнофранцузском г. Марселе.

Неплохо бы вспомнить, что в здании ЮНЕСКО висит фотокартина под названием «Трудолюбие», изображающая хорватские виноградники, столетиями культивируемые на каменистых почвах Далмации.

После этого желательного предоставить слово докладчикам из числа студентов, побывавших на отдыхе в Хорватии. Чаще всего делятся впечатлениями от города Дубровник, демонстрируют снимки или альбом. Это не только дает наглядное представление о внешнем

виде средневекового далматинского города. Это еще и свидетельство живой связи времен и уважения к собственной исторической памяти : ведь Дубровник был разгромлен во время этногражданской войны, которой сопровождался распад социалистической Югославии, а потом тщательно реставрирован.

Наглядность позволяет убедиться, что города явно были небольшими. Насчитывали они обычно 2-3 тысячи человек населения (Дубровник – до 6 тысяч). Межгородские конфликты, в т. ч. военные, имели конкретные локальные масштабы. Теперь мы переходим к проблеме официального статуса городов в составе Византии, затем Хорватии, Венгрии, Венеции (а в случае с Дубровником еще и Османской империи) – студенты разбирают этот вопрос самостоятельно при опоре на историческую литературу, включая общие работы по истории Хорватии.

На очереди изучение социальной структуры города эпохи XIII–XV вв. с выведением на доске соответствующей схемы одним из студентов при коллективном обсуждении всей группой. Студенты, пользуясь навыками работы по истории средних веков, довольно быстро формируют следующую картину :

1. Нобили (патрициат). Торгово-ростовщическая и судовладельческая «верхушка». По подсчетам Ф. Броделя, составляла 1–1,5% населения города (в исключительных случаях – до 5%) [3, с. 175–176].

2. Пополаны (бюргерство). Мелкие и средние торговцы, ремесленники, капитаны и штурманы. Абсолютное большинство членов городской коммуны.

3. Плебс, включавший в себя еще и матросов, и портовых рабочих.

4. Рабы. До XV в. включительно рабство было весьма распространенным явлением в сочетании с работоторговлей (то же было и в некоторых регионах южной Европы, например, на о. Сицилия). Это никак нельзя приписать тлетворному влиянию Османской империи, поскольку рабство эволюционировало здесь из античного и существовало задолго до того, как его вновь популяризовали турки. Другое дело, что оно было обычно домашним, а не производительным, (исключение – гребцы на галерах) и рабы составляли совершенно незначительную часть жителей далматинского города.

Разбирая проблему социальной структуры городского населения, зачастую приходится, апеллируя к статистическим данным, вновь корректировать стереотипы обыденного сознания студентов. Многие из них традиционно уверены, что основную часть населения здесь

составляет плебс, который почему-то ассоциируется с массой рабочего класса, возникшей в 20 в. в ходе интенсивной индустриализации и урбанизации. Формирование исторического мировоззрения категорически требует избавиться от подобных штампов, извращающих сам принцип историзма.

Последний большой вопрос темы – организация управления в далматинском городе. Для эпохи VII–XII вв. просто констатируется наличие системы полисного типа с сохранением народного собрания и аристократических исполнительных магистратур. Затем студенты, вооружившись документами хрестоматии, анализируют специфику коммунального строя XIII–XV вв. на примере Трогира, Сплита и Дубровника [1, с. 113–119, 124–125]. Здесь уместно использовать исследования М. М. Фрейденберга и А. В. Чернышова [4]. Хорошо бы изобразить силами трех студентов на доске параллельно три вида управленческих структур вышеназванных городов. Налицо будет господство повсюду патрицианского Большого Совета в качестве законодательной власти, концентрация исполнительной власти в руках патрицианского же органа типа Малого Совета и градоначальника (князь, избранный нобилями, как в Дубровнике; князь – венецианский наместник, как в Трогире; подеста – наемный чиновник из Анконы, как в Сплите).

Возникает вопрос о характере такого политического устройства. Понятно, что это тип республики. Но это не похоже на олигархическое правление, свойственное городам Ганзейского союза [5, с. 44]. Это куда больше напоминает Венецианскую республику. И, поскольку в системе власти были исключительно нобили, то мы вправе определить ее как аристократическую республику.

Подведем основные итоги.

Изучение студентами истории далматинского средневекового города на практических занятиях по истории южных и западных славян позволяет закрепить у них понимание типологической принадлежности славянства к европейской цивилизации, активизировать их навыки работы с документами, картами, схемами и специальной литературой, задействовать остаточные знания по истории античности и европейского средневековья и приучить к комплексному подходу в изучении научно значимых проблем.

Список использованных источников и литературы

1. Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 1. Минск : Изд-во Университетское, 1987. 272 с.

2. Раннефеодальные государства на Балканах (VI–XII вв.). М. : Наука, 1985. 365 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв 3 тт. Том 2. Игры обмена. М. : Прогресс, 1990. 632 с.
4. Фрейденберг М. М., Чернышов А. В. Коммунальный строй далматинских городов XII–XIV вв. Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1983. 286 с.
5. Подоляк Н. Міське самоврядування вендської Ганзи і позиція територіальної та імперської влади//Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Випуск 34. Серія : Історичні науки. №4. Чернігів, 2006. С. 32–46.

УДК 378.147:165.12:930-057.87

Е. Н. БАШИЛОВА

(УО «Гимназия № 10 г. Гомеля»)

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ГИМНАЗИСТОВ В РАМКАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБА «ХРАМ МОЕЙ ДУШИ»

В статье обобщен опыт формирования исторического сознания гимназистов в рамках реализации исследовательских и творческих проектов в области духовной культуры, фото- и кинодокументалистики, музееведения, объединенных в деятельности клуба «Храм моей души»..

В процессе преподавания истории решаются многообразные задачи : образовательные, познавательные, воспитательные, мировоззренческие. Однако одной из наиболее значимых является задача формирования исторического сознания, представляющего собой сложное и многогранное духовное явление. Под историческим сознанием в науке понимается совокупность представлений общества в целом и его социальных групп в отдельности, о своем прошлом и прошлом всего человечества.

Выделяют четыре уровня исторического сознания : от первого, формирующегося на основе накопления непосредственного жизненного опыта, до высшего четвертого, который предполагает, что формирование исторического сознания происходит уже на базе всестороннего теоретического осмысления прошлого, на уровне выявления тенденций исторического развития.